

Наследие

В.Я. Пащенко, Ю.В. Колесниченко

Н.С. Трубецкой — гражданин, творец, МЫСЛИТЕЛЬ

Имя князя Николая Сергеевича Трубецкого у читателя обычно ассоциируется с такими понятиями, как евразийство, русская идея, идеология евразийства и др. И в этом есть глубокий смысл, ибо этот человек сыграл выдающуюся роль в становлении вышеназванных понятий как общественно-интеллектуальных феноменов конца XIX — начала XX века.

Н.С. Трубецкой родился в 1890 г. в Москве в семье ректора Московского университета, известного религиозного философа Сергея Николаевича Трубецкого. Древний княжеский род Трубецких (Гедиминовичей) происходит от великого князя Трубчевского, Брянского и Новгород-Северского коррибута (Дмитрия Ольгердовича). Весной 1500 г., в связи с началом очередной войны России с Литвой, Трубецкие перешли на сторону Москвы. По русско-литовскому договору 1503 г. они признавались «слугами» московских государей. Возвышение Трубецких началось в годы опричнины¹.

¹ См.: Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия. В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 525.

Н.С. Трубецкой

Род Трубецких дал России, русской культуре, истории немало громких имен. Это и фельдмаршал Никита Юрьевич (1699—1767), и один из руководителей восстания декабристов на Сенатской площади Сергей Петрович (1790—1860), писатель Николай Никитич (1744—1821), религиозные философы Сергей Николаевич (1862—1905) и Евгений Николаевич (1863—1920).

В этом блестящем созвездии Николай Сергеевич Трубецкой — крупнейший лингвист, филолог, культуролог, политолог, общественный деятель — выделяется не только научным универсализмом, но и тем, что он стал основателем широко известного ныне евразийского обще-

ственно-политического движения, провозгласившего своей главной целью создание нового варианта русской идеи — евразийской идеологии и философии.

Все началось с глубокого увлечения гимназиста Н. Трубецкого этнографией, фольклористикой, языкознанием, историей и философией. В 1908 году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, по окончании учебы (1912) в качестве приват-доцента вел курс по сравнительному языкознанию. В творческой судьбе Н.С. Трубецкого отчетливо прослеживается два этапа: накопление и систематизация конкретно-научных знаний, прежде всего в области языкознания, филологии, этнографии, и *обобщение* этих знаний, что позволило сделать общеисторические, культурологические теоретические выводы, касающиеся социума в целом. Главным исследовательским полем ученого, несомненно, является языкознание, лингвистика. Основной постулат исследователя: «Язык есть система». Раскрытие глубинной сущности этой системы возможно лишь благодаря историческому анализу. Поэтому крайне важно предвзятать исследование любой языковой системы (а Трубецкой исследовал

фонологические системы более 100 языков) анализом ее становления, генезиса. Системный подход — способ научного познания, предусматривающий рассмотрение частных в неразрывном единстве с целым, — Трубецкой использовал и в исторических, и в культурологических, и в этнографических исследованиях

«В истории языка многое видится случайным, но успокаиваться на этом историк не имеет права: общие линии истории языка при сколько-нибудь внимательном и логическом размышлении всегда оказываются не случайными, а следовательно, не случайны должны быть и отдельные мелочи; все дело только в том, чтобы уловить смысл.

Осмысленность эволюции языка прямо вытекает из того, что «язык есть система». Я в своих лекциях всегда стараюсь показать логику эволюции. Это возможно не только в области фонетики, но и в области морфологии (а вероятно, и в области словаря)². Именно такой подход позволил Трубецкому создать фундаментальный труд — «Основы фонологии»³, без ссылок на который теперь не обходится ни один теоретик-языковед. Этот труд стал настольной книгой для антропологов (К. Леви-Стросс, основатель структурной антропологии, неоднократно ссылался на нее), культурологов, представителей других наук, в том числе лингвистического структурализма и даже синергетики (И. Пригожин).

Сегодня, когда работы Трубецкого стали известны широкому кругу читателей, можно с уверенностью утверждать, что методология, разработанная Николаем Сергеевичем для исследования фонологических систем, принадлежащих разным языковым семьям, послужила основой и для другой всемирно известной работы, положившей начало новому варианту русской идеологии, культурологии и философии, — «Европа и человечество».

У современных исследователей нет единства относительно как времени появления евразийской теории, так и ее основного теоретического источника. Часть исследователей связывает появление евразийского движения с выходом в свет коллективного сборника статей под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921). Авторы сборника: экономист, географ, социолог П.Н. Савицкий, культуролог, философ, музыковед П.П. Сувчинский, богослов, философ, историк Г.В. Флоровский и кн. Н.С. Трубецкой. Несомненно, этот сборник сыграл большую роль в становлении евразийского учения, особенно в организационном плане. Но подлинным катехизисом евразийской философии и идеологии является работа Н.С. Трубецкого «Европа и человечество». И не только потому, что она написана годом раньше «сборника четырех», но и потому, что изначально именно в «Европе и человечестве» были сформулированы и научно аргументированы основные теоретические постулаты нового учения, его основные идеологемы. Этой точки зрения

придерживались и сами евразийцы, и полемизировавшие с ними Н.А. Бердяев, П.Н. Миллюков, Н.Н. Чебышев. Особенно ценной в этом споре представляется позиция Л.Н. Гумилева — «последнего евразийца» (так он сам себя назвал незадолго до смерти). Не менее интересно и мнение академика Н.И. Толстого: «Небольшая книжечка “Европа и человечество”, вышедшая в Софии в 1920 г., строго говоря, еще не евразийская: она лишь предвестница евразийских работ Н.С. Трубецкого, своего рода перчаточек, который созрел у автора многие годы. Тем не менее, брошюра выполнила свою важную роль — <...> собрала в Софии основополагающий круг молодых евразийцев»⁴.

Об этой работе написано немало, в том числе и одним из авторов этой статьи⁵, поэтому здесь укажем лишь несколько основных постулатов евразийской идеологии.

1. История человечества — не линейный процесс (Вико писал о том, что она движется по кругу, Маркс считал, что по спирали), соединяющий различные уровни развития материального производства, идеалистической или религиозной духовности. По Трубецкому, история — сложная система цивилизаций и культур, существующих от зарождения до гибели. Взаимодействие культур следует рассматривать без выделения одной из них в качестве ведущей. Отсюда резко критическое отношение к романо-германскому Западу, стремящемуся европеизировать все человечество (очень похоже на устремления современных глобалистов унифицировать мир).

2. Утверждение России как Евразии — системы различных культур и цивилизаций, объединенных общим месторазвитием (вмещающим ландшафтом и общей исторической судьбой). Евразия полинациональна и полицивилизационна. Русский народ не исчерпывается славянством, он связан через «туранский элемент» с неславянскими народами Евразии, что обеспечивает единство континента и государства.

3. Утверждение России — Евразии как самобытного культурно-географического мира, отличного от Европы и Азии. К концу индоевропейской эпохи, то есть к тому моменту, когда праславянский диалект обособился в самостоятельный язык, славяне встали перед необходимостью про-

² Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 509—510.

³ Работа была издана на немецком языке в 1939 году, на русском языке книга вышла уже после смерти автора.

⁴ Толстой Н.И. Н.С. Трубецкой и евразийство / Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М., 1995. С. 6.

⁵ См.: Пащенко В.Я. Идеология евразийства. М., 2001; Пащенко В.А. Социальная философия евразийства. М., 2002.

известии выбор между направлениями связи с востоком, югом и западом. «Душой» славяне тянулись к индоиранцам, «телом», в силу географических и материально-бытовых условий — к западным индоевропейцам⁶.

4. Монгольское иго было благом для России, поскольку именно от монголов русские переняли свою государственную идеологию и способность к объединению континента в государственное целое, основной предпосылкой которого явилось евразийское языковое единство (Р.О. Якобсон).

5. Понимание русской революции как, с одной стороны, катастрофического завершения гибельного процесса европеизации России, с другой же, как начало ее благодетельного «поворота к Востоку».

Н.С. Трубецкой — краеугольная, «поворотная» личность в истории отечественного любомудрия. Основные понятия теории Трубецкого являются, на наш взгляд, духовной, философской базой современного российского самоопределения, самопознания, самоидентификации. За евразийство, как за спасательный круг, хватаются сейчас практически все мыслящие слои российского населения. Хватаются как за единственно адекватную русской ментальности концепцию духовного бытия, наиболее полно отражающую состояние современного момента в истории Российского социопространства. Евразийство стало своего рода мыслительной парадигмой постсоветского пространства и русскоязычной диаспоры (включая страны Балтии и государства традиционной советской эмиграции: Израиль, США и Германию).

Евразиец Трубецкой абсолютно грандиозен в своей концептуально-терминологической простоте. Открытый им геоэкономический закон существования Российского государства по формуле *Евразия* сопоставим по своей значимости и поразительной очевидности с законом всемирного тяготения Ньютона. Действительно, притяжение физических объектов Землей современному человеку представляется совершенно «естественным». Естественность эта потребовала тем не менее огромного напряжения духовных сил и гениальных умственных способностей открывшего закон ученого; эту очевидность требовалось обнаружить, сформулировать и обосновать, для того чтобы она впоследствии могла превратиться в мыслительный абсолют, в константу «классической» теории физического мироздания.

Аналогично обстояли дела с открытием «закона Евразии». Понятие Евразии евразийцами, в том числе и Н.С. Трубецким, определяется не только географически, как это делает немецкий исследователь Гумбольдт, а как *месторазвитие* многих этносов, народов, составивших в конечном счете евразийскую цивилизацию. Географический фактор конечно же не игнорируется. Евразийцы четко определяют географические координаты Евразии: от Карпат до Хингана, от северных морей до Гиндукуша и Памира. Именно в этих границах сложилась этническая общность десятков народов, образовавших единое государство, сплоченных единым домом — месторазвитием, единым языковым союзом, в который входят и угро-финские языки, языки туранские, северокавказские и алтайские. Учитывая первостепенную роль языков в культуре, можно говорить о единстве не только геополитическом, но и о единстве культурном, о взаимном проникновении элементов культуры в самосознание всех евразийских народов. Если к этому добавить общую историческую судьбу и историческую память евразийских народов, то все элементы Евразии соединяются в единую систему — в этом суть закона Евразии. Очевидность объема понятия Евразии, как и других понятий евразийской теории Трубецкого, не вызывает никаких сомнений в силу своей фактуальной прозрачности и, следовательно, в силу своей очевидности. Эти понятия есть вместе с тем социо-философские абсолюты, аксиомы, отправные точки, константы евразийской теории в изложении Трубецкого. Интересно, что современными критиками (как, впрочем, и критиками — современниками Трубецкого) понятия «Евразия», «туранский элемент», «языковой союз», «истинный национализм» и т.д. принимались, как правило, безоговорочно. С концептуальными понятиями евразийской теории, впервые изложенными в работах Трубецкого, моментально свыклась общественная мысль русскоговорящего (а порой и не только русскоговорящего) мира. В начале XX века эта концепция «вита в воздухе», она «напрашивалась» на изложение, а изложенная, она пришлась по сердцу современной России, ибо отражала суть, была актуальна. Ее притягательность (была и остается) — в ее простоте. Все гениальное — просто. Так «прост» и гениален Трубецкой в своих лингво-философских выводах о том, что «соотношения культур основаны в общем на

⁶ См.: Трубецкой Н.С. К проблеме русского национального самопознания / Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 93—222.

тех же принципах, что и соотношения языков, и культуры соседних народов всегда имеют целый ряд черт, сходных между собой. Благодаря этому среди культур данного ареала обозначаются культурно-исторические зоны, границы которых взаимно перекрещиваются, что приводит к образованию культур смешанного или переходного типов⁷. В результате этого получается «та радужная сеть, единая и гармоничная в силу своей непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности»⁸.

Гениальная разгадка *подосновы* российской ментальности (не путать с материально-экономическим базисом; Трубецкой подчеркивал свое неприятие исторического материализма и никогда не ставил духовное развитие в зависимость от экономического) оправдывает, на наш взгляд, некоторую общность, пространность отдельных элементов рассматриваемой концепции (см. необыкновенно занимательную книгу Ф. Гиренка «Патология русского ума (Картография дословности)». М., 1998). На то, по-видимому, есть несколько причин. Во-первых, основоположники той или иной теории потому и называются основоположниками, что закладывают основы, создают концепт в основном. Суть основоположения вообще не предполагает детализации, дабы терминологическими мелочами не принизить грандиозности принципиального открытия. В силу этого евразийская теория — это теория макро-процессов, это *мета-теория* российского социокультурного образования.

Во-вторых, стройность, продуманность теории по всем законам формальной логики не соответствует самой схематике и архитектонике евразийского стиля мышления. В силу этого строгое логическое обоснование всех сторон теории не представляло особой познавательной ценности для исследователя-негегельянца, для мыслителя не романо-германской традиции, коим, безусловно, был Трубецкой. Его теория российского (т.е. евразийского) исторического движения, в противоположность латинской мыслительной традиции, принципиально а-логична, нелинейна, внеисторична, непоступательна. Таким образом, критиковать теорию Трубецкого с западной философской (всцело обоснованной логическим путем) традиции возможно лишь в рамках этой

самой мыслительной традиции, вынуждая оставлять за бортом самое существенное, самое ценное в этой концепции. Ценной же, на наш взгляд, является принципиально иная («нелинейная») постановка вопроса о ходе российской истории и, самое важное, — о методах ее рассмотрения.

Правомерные требования применения герменевтического метода при анализе сложных культурно-психологических образований (таких, как евразийская школа) приводят к необходимости вывода некоторых проблем на малоизвестный аналитический уровень. Так, например, евразийский анализ личности не сводится только к ее религиозно-бытийному определению качеств тварного мира. Но также (и с не меньшей готовностью) исследуется и облаченная в плоть и кровь личность исторического евразийского континента. Итак, для степного типа государственного имперского объединения характерна личность монгольского «предопределения», с соответствующими психологическими чертами. О такого рода личностях можно сказать, что, «преклоняясь перед велениями своего внутреннего нравственного закона и сознавая уклонение от этого закона как потерю своего человеческого достоинства, они непременно и религиозны, ибо воспринимают мир как миропорядок, в котором все имеет свое определенное, божественной волей установленное место, связанное с долгом, с обязанностью. Когда человек такого психологического типа повинуетя непосредственному начальнику, он повинуетя не ему лично, а ему как части известной божественно установленной личности иерархической лестницы; <...> и подчинен в конечном счете не человеку, но Богу»⁹.

Фактор психологического подчинения индивидуума коллективу в его строгом иерархическом качестве играет важную роль при интерпретации Трубецким психологического портрета русской нации. Итак, коллективизм и иерархичность исторических участников империи Чингисхана определили критерий выживаемости индивида в данных социальных условиях. Согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-либо правящую нацию и «не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психоло-

⁷ Русская философия. Словарь. М., 1995. С. 524.

⁸ Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 148.

⁹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 232.

гический тип людей. Психологические процессы, порожденные фактом завоевания России татарами, придали новую форму уже состоявшейся православной личности русских, дополнив ее до своей самобытной национальной специфики — заботы о судьбе России. И если, присвоив наследие Чингисхана, Россия тем не менее не утратила своей национальной индивидуальности, а напротив, утвердила ее, то произошло это благодаря вышеописанному психологическому процессу. В России дух и идеи Чингисхана религиозно переродились и предстали в обновленной и подлинно специфически русской форме, получив христианско-византийское обоснование»¹⁰. Интересно решается у Трубецкого вопрос о специфике российско-евразийского мировоззренческого комплекса (так сказать, онтологического и гносеологического аспектов бытия). Философ, на основании обнаруженного им превалярования туранского элемента в национальной психологии населяющих Евразию народов, делает вывод о господстве на данной социокультурной территории «подсознательной философской системы». Термин, далеко не бесспорный даже для Трубецкого¹¹, тем не менее представляется наиболее адекватным для отображения не подвергающихся рефлексии (в силу абсолютности, внеличности) мировоззренческих констант туранской психики. (Хочется обратить внимание читателя на очевидную схожесть психологических особенностей туранской и, например, китайской онтологической картины мира, что «отодвигает» евразийскую модель мировосприятия еще дальше на Восток.) Сращивание туранского и православного элементов, по Трубецкому, в одно мировоззренческое целое в процессе социального и духовного строительства составляет подоснову евразийской духовности.

В идеологическом аспекте примером вышесказанного может служить государственная практика империи Чингисхана, «принимавшая всяких богов и терпевшая любые культуры». Главным в ее парадигме был не религиозный — как в иных странах Востока и Запада, — но государственный фетиш. «Чингисхан считал ценным для своего государства только людей искренне, внут-

ренне религиозных. Но, подходя к религии в сущности именно с такой, психологической точки зрения, Чингисхан не навязывал своим подчиненным какой-либо определенной, догматической и обрядово оформленной религии. <...> Государственно важно для Чингисхана было только то, чтобы каждый из его верноподданных так или иначе живо ощущал свою полную подчиненность неземному высшему существу, т.е. был религиозен, исповедовал какую-нибудь религию, все равно какую. <...>...он не просто пассивно терпел в своем государстве разные религии, а активно поддерживал все эти религии»¹², — писал Н.С. Трубецкой. Таким образом, «туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому (социальному. — Авт.) строительству»¹³. Кстати, многие современники (как Трубецкого, так и наши с вами) до сих пор называют нетрадиционным вне-аксиологический подход Н.С. Трубецкого к историческому феномену татаро-монгольского ига. Из привычно негативного факта он превращается в евразийской теории в основополагающий, системообразующий фактор российского государства, в элемент мета-теории, новой парадигмы. Последовавший за этим сдвиг в историческом, социологическом и культурологическом восприятии российской наукой татаро-монгольского ига можно также отнести к заслугам Н.С. Трубецкого.

Очевидно, что любая, даже самая стройная, обоснованная и фактуально подтвержденная теория относительна. Доказательство тому — огромный опыт смены естественнонаучных картин мира (эвклидова/неевклидова геометрия, теория относительности и т.д.). Евразийство — не исключение. Оно есть теория конкретного состояния объекта в развитии, заданном при определенных геокультурных исторических обстоятельствах. Эта теория не распространяется на развитие народонаселения Евразии до татаро-монгольского ига; она, по-видимому, не сможет «работать» для Российского пространства существовавшего удаленного от нас будущего. Но на обозримом (и обозначен-

¹⁰ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Из филологического наследия... //Вестник МГУ. Филология. № 4, 1991. С. 41—42.

¹¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 153.

¹² Там же. С. 236.

¹³ Там же. С. 154—155.

ном) этапе, включая современность, она, как представляется авторам данной статьи, является мета-обобщением, наиболее точно отражающим происходящее. Н.С. Трубецкого, безусловно, можно считать ее главным основоположником.

Личная судьба Н.С. Трубецкого сложилась драматически. После вынужденной эмиграции в 1919 г. он стал профессором Софийского университета, а с 1923 г. — профессором славянской филологии Венского университета. Зачисленный в ряды «наиболее правой части кочующей по Европе массы белой эмиграции и наиболее реакционной профессуры»¹⁴, Н.С. Трубецкой не мог рас-

считывать на признание на Родине. После захвата Австрии Гитлером ученый подвергался репрессиям и преследованиям со стороны гестапо за резкое неприятие нацизма, что, по мнению ряда исследователей, и послужило причиной ранней его смерти (1938).

Только сейчас, спустя более полувека, Родина начинает вновь осмысливать его идеи. Предлагаем вниманию читателей главу из книги Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана», впервые изданной в 1925 году под псевдонимом И.Р. (из России). На Родине Трубецкого она была переиздана только в 1999 году.

Николай Трубецкой

Наследие Чингисхана*

Как это ни странно, но именно теперь, когда правительство России прилагает все усилия к тому, чтобы привить России мировоззрение, созданное типичными представителями европейского духа, и перестроить согласно созданному европейскими публицистами теориям, именно теперь, несмотря на это, стихийное национальное своеобразие и неевропейское, полуазиатское лицо России—Евразии более чем когда-либо выступает наружу. Проступает наружу, «прет из всех щелей», несмотря на всю интернационалистическую и противонационалистическую декорацию, несмотря на все претензии последнего крика «общечеловеческой» (сиречь европейской) цивилизации. Россия подлинная, Россия историческая, древняя, не выдуманная славянская или варяжско-славянская, а настоящая русско-туранская Россия—Евразия, преемница великого наследия Чин-

гисхана. Заговорили на своих признанных теперь официальными языках разные туранские народы: татары, киргизы, башкиры, чуваша, якуты, буряты, монголы, — стали участвовать наравне с русскими в общегосударственном строительстве; и на самих русских физиономиях, раньше казавшихся чисто славянскими, теперь замечаешь что-то тоже туранское; в самом русском языке зазвучали какие-то новые звукосочетания, тоже «варварские», тоже туранские. Словно по всей России опять, как семьсот лет тому назад, запахло жженым кизяком, конским потом, верблюжьей шерстью — туранским кочевьем. И встает над Россией тень великого Чингисхана, объединителя Евразии...

Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она остается всегда хранительницей этого наследия, и вся ее историческая судьба этим определяется. Даже в период

¹⁴ См.: Против новейшей критики марксизма. М., 1929. С. 238.

* Печатается по: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 286—292.

Чингисхан. Китайский портрет. XIII в.

антинациональной монархии, когда и правительство, и образованное общество стремились к тому, чтобы Россия была европейской державой, и всячески стыдились признать естественную связь России с Азией, даже тогда Россия силою вещей принуждена была продолжать историческое дело государственного объединения Евразии — дело Чингисхана: присоединение Крыма, Кавказа, Закаспийского края, Туркестана, закрепление за Россией Восточной Сибири — все это были этапы на том же пути собирания разрознившихся частей евразийского улуса Чингисхановой империи, а колонизация и запашка степи, превращение ее из кочевья в ниву было закреплением перехода евразийской государственности из рук туранцев в руки русских. И несмотря на то, что правительство, стремясь во всем подражать «великим европейским державам», готово было всюду проводить насильственную ассимиляцию и культурно обезличивать вновь присоединенные области (как это делают подлинные европейцы в своих колониях), народная русская стихия, инстинктивно ощущавшая подлинную задачу России, усваивала по отношению к туземному населению тактику братания, охотно заимствовала от покоренных разные черты их быта; в новоприсоединенных областях сами собой вырабатывались особые смешанные бытовые типы, которые со временем могли бы послужить основанием для целой радуги евразийских культур, разновидностей одной, общеевразийской: мешало только стремление русских верхов (как образованного общества, так и

правительства) иметь культуру непременно европейскую. Тот же процесс инстинктивного и стихийного сворачивания России на ее естественную историческую дорогу наблюдается и в настоящее время. Несмотря на то что коммунистическая власть лицом обращена на Запад, к пролетариату «цивилизованных» стран, и страстно мечтает только о том, чтобы именно этот европейский и американский пролетариат признал коммунистическую власть своею, России в силу обстоятельств приходится все больше и больше иметь дело с Азией, а в своем внутреннем строительстве осуществлять то братание племен Евразии, которое является неизбежным следствием исторической миссии России — государственной объединительницы Евразии, преемницы и наследницы Чингисхана. Привлечение разных племен Евразии к общему государственному строительству, соединяя их всех в одну общую семью, заставит каждого из них смотреть на русскую государственность как на свою собственную, родную. Глубокая перепашка всего социального организма нации, поднявшая наверх те слои, которые прежде были внизу, приближает возможность создания новой культуры или целой радуги родственных друг другу культур на основе народного быта и народного мировоззрения, прежде существовавших только как предмет этнографического изучения: мешает опять-таки только упорное желание руководителей культурной жизни иметь в России не свою собственную, своеобразную евразийскую культуру, а культуру европейскую, может быть, и не во всем схожую с современной культурой народов Западной Европы, но все же соответствующую мечтам и теориям европейских социологов и публицистов и, следовательно, проникнутую тем же духом европейской цивилизации.

Словом, несмотря на упорную борьбу, которую правящие круги (все равно какие, прежде — монархические, теперь — коммунистические) ведут уже более двухсот лет против природной сущности России—Евразии, эта Россия—Евразия все время не перестает стихийно стремиться к тому, чтобы быть самой собой и вновь вполне вступить на свой природный исторический путь после слишком затянувшейся диверсии подражания западноевропейским образцам и учениям. Надо, чтобы это стихийное и инстинктивное стремление наконец стало сознательным. Будущая Россия—Евразия должна сознательно отвергнуть дух европейской цивилизации и построить свою государственность и свою культуру на совершенно иных, неевропейских основаниях.

Конечно, невозможно предсказывать, какая будет эта государственность и эта культура.

Но наследие Чингисхана, в свое время подхваченное допетровской Москвой, неизменно находится при России, определяя не только ее прошлое, но и ее будущее, делая до некоторой степени возможным и предсказание. В международных сношениях будущая Россия, сознательная хранительница наследия Чингисхана, не будет стремиться стать европейской державой, а, наоборот, будет всячески отмежевываться от Европы и европейской цивилизации. Памятуя уроки прошлого, она будет следить за развитием европейской материальной техники, усваивать из этой техники то, что ей необходимо, но всячески будет ограждать себя от усвоения европейских идей, европейского мирозерцания и духа европейской культуры. Она не будет вмешиваться в европейские дела, не будет брать сторону той или иной из борющихся в европейских странах партий или идеологий, не будет считать своим искренним союзником ни одну из европейских социальных групп. В частности, борясь с международным капиталом как с одним из факторов европейской цивилизации, она не будет считать своим полным союзником европейский пролетариат, учитывая, что, хотя этот пролетариат тоже борется с капиталом, но борется только наполовину, только для того, чтобы международный капитал уступил ему часть барышей, которые он наживает, эксплуатируя «нецивилизованные» страны, полная же гибель международного капитала и прекращение его эксплуататорского властвования над «нецивилизованными» или «получивилизованными» странами, т.е. именно то, что должно быть целью России, для европейского пролетариата невыгодно и неприемлемо, совершенно так же, как и для европейской буржуазии. Наоборот, в отношениях своих к странам и народам неевропейской цивилизации будущая Россия должна руководствоваться чувством солидарности, видя в них естественных союзников, одинаково заинтересованных в преодолении империализма европейской цивилизации. Россия должна остерегаться от всяких попыток присоединить к себе ту или иную страну, не входящую в географические пределы Евразии, помня, что такое присоединение уже раз повредило делу Чингисхана. Но в то же время с этими неевразийскими, чисто азиатскими странами Россия должна поддерживать и культурное общение, и самые оживленные торговые сношения, а сверх того, более их умудренная опытом, должна организовывать их в противодействии против европейской цивилизации, предостерегать их от проникновения к ним духа европеизма в разных его проявлениях и помогать им творить и развивать их собственные национальные культуры.

Во внутренней своей жизни будущая Россия должна твердо помнить о прошлом. Это не значит восстанавливать прошлое. Прошлое восстановить невозможно и не нужно. Но известные принципы, на которых строилась жизнь в прошлом, при Чингисхане и в допетровской московской Руси, могут быть поставлены в основу и будущего строительства. Главный из этих принципов: теснейшая связь между частным бытом, государственностью и религией. Безбожная и антирелигиозная государственность есть специально европейское изобретение, находящееся в тесной зависимости от всего духа европейской цивилизации. Правда, европейцы этим изобретением очень гордятся и считают его признаком прогресса. Но так расценивают европейцы вообще все продукты своей культуры; они рассуждают упрощенно: все, что изобретено европейцами и согласно с общим духом их культуры, — хорошо и «прогрессивно», а все, что изобретено неевропейцами, — хорошо только постольку, поскольку оно похоже на то или иное европейское изобретение. Если же рассуждать объективно, не поддаваясь самовосхвалению европейцев, то из того факта, что антирелигиозная государственность придумана одними только европейцами и ни у одного другого неевропейского народа никогда не существовала, можно сделать только один вывод, что такая государственность противоестественна и уродлива, что она противоречит нормальной человеческой природе и что если европейской природе она не противоречит, то только потому, что сама эта европейская природа ненормальная, выродившаяся. Здоровый человек всегда религиозен. И неправда, будто бы «религия — частное дело каждого»: в действительности религия всегда была, есть и будет делом не только частного человека, но и народа. Народы Евразии всегда были религиозны. Если отдельные представители их иногда отпадают от религии, то только под уродующим влиянием европейской цивилизации и европейских идей. Обрести свое подлинное лицо и стать самой собой Россия—Евразия может, только вернувшись к религии и укрепив в себе религиозную стихию. Это вовсе не значит, чтобы нужно было создать опять тот внешний союз между государственной властью и официальной церковью, который существовал в России до революции. Даже как раз наоборот — этот союз, оказавший православию, лишивший русскую церковь способности развития и стремившийся превратить ее в полицейское орудие государственной власти, более всего противоречит духу подлинно религиозной государственности. Ни этот союз, сводящийся,

по существу, к подчинению церковной организации государству и к наложению государственной цензуры на свободные проявления религиозного духа, ни какие бы то ни было другие известные проявления религиозного духа, ни какие бы то ни было другие известные в практике европейских народов формы отношения государства и религии (отделение церкви от государства, подчинение государства церковной организации, договор государства с международной церковной организацией) не соответствуют тому принципу связи между государственностью и религией, который лежит в основе всякого подлинно евразийского государственного строительства. Ибо все эти формы проникнуты духом европейской цивилизации, духом уродливым как раз в области религиозной. Все эти формы взаимоотношения между церковью и государством предполагают представление о церкви и о государстве как о двух различных организациях с разным личным составом. Между тем на деле и церковь и государство состоят из живых людей, и притом из тех же людей. Народ в церкви и народ в государстве не два разные существа, а одно существо. В одном и том же человеке существует воля и совесть: это — не разные существа, а разные свойства, разные способности одного и того же существа; в нормальном, разумном и хорошем человеке между совестью и волей нет разлада, а есть известная согласованность: то же самое должно быть между государственностью и религией. Казенная религиозность аналогична подчинению совести воле; борьба государства с религией аналогична борьбе воли с совестью; но подчинение государства церковной организации не аналогично подчинению начала воли началу совести, ибо при этом государство и церковная организация мыслятся как два разные существа, так что получается подчинение воли одного существа совести (а следовательно, и воле) другого. Проблема взаимоотношения государственности и религии для России—Евразии является проблемой основной, ибо, как сказано, Россия—Евразия только тогда может стать сама собой, когда будет религиозна. Решение этой проблемы лежит не в законодательстве, а в быте. При Чингисхане не было казенной религии, не было и подчинения государственной власти какой-либо религиозной организации, а тем не менее государственность Чингисхана была глубоко религиозна. Точно так же и в допетровской Руси вера была не казенной и государственная власть не была в подчинении у власти церковной, а тем не менее старая московская государственность была религиозной. Решение вопроса и при Чин-

гисхане, и в допетровской Руси лежало не в области политики и законодательства, а в области быта и психологии. Каждый воин Чингисхана подчинялся не только своему начальнику (а через него — его начальнику и т.д. вплоть до самого верховного хана), но и прежде всего высшему религиозному началу и знал, что тому же высшему религиозному началу подчиняется и его начальник, и начальник этого начальника и т.д., вплоть до самого Чингисхана. При этом подчинение религиозному началу и у воина, и у начальника, и у Чингисхана было не только официальное, не только в связи со службой, но и вне службы, в самом быте. И жизнь внешней природы, и судьба человека, и быт человека мыслились как закономерное, неземным верховным существом предустановленное течение вещей; и государственность представлялась как часть этой естественной системы. Такое же отношение к делу наблюдалось и в допетровской Руси, несмотря на то что между ней и кочевническим государством Чингисхана было громадное различие. И если Россия—Евразия хочет опять стать самой собой, а не уродливым отображением европейской цивилизации, ей предстоит создать вновь такое же положение дела. Пусть это новое положение будет внешне совсем непохоже ни на допетровскую Русь, ни на царство Чингисхана — самый принцип постройки должен быть тот же. Ибо это есть настоящий принцип всякой подлинно евразийской государственности.

Итак, путь к подлинно своему, к обретению своего настоящего лица для России—Евразии предначертан ее прошлым. И тем не менее это не есть путь назад, а путь вперед, к подлинно новому, к небывалому. Предстоит создать совершенно новую культуру, свою собственную, непохожую на европейскую цивилизацию. То, что сейчас делается в России, только кажется новым и своеобразным. На самом же деле это разрушение, а не созидание, и разрушение это проникнуто тем же старым духом, духом Петра I, Екатерины II и всей интеллигенции XIX века, прельщенной заманчивым внешним видом европейской цивилизации и европейских идей. Подлинное творческое созидание еще впереди. И станет оно возможным лишь тогда, когда окончательно будут изжиты увлечения европейской цивилизацией и придуманными в Европе идеологиями, когда Россия перестанет быть кривым зеркалом европейской цивилизации, а обретет свое собственное историческое лицо и вновь станет сама собой — Россией—Евразией, сознательной носительницей и преемницей великого наследия Чингисхана.

Сергей Аверинцев

Несколько мыслей о «евразийстве» Н.С. Трубецкого*

Опыт беспристрастного взгляда

Для начала мне трудно обойтись без нескольких слов о самой личности Н.С. Трубецкого — гениального лингвиста, очень интересного литературоведа, оригинального мыслителя о культурах и спорного «идеолога». Его умное и хрупкое лицо, лицо человека, которому не дано было дожить и до пятидесяти лет, своим физиогномическим обликом свидетельствует о типе уязвимом, даже страдальческом и депрессивном, в котором, однако, боль скорее провоцирует, нежели подавляет впечатлительность и специальное чувство юмора.

Рудольф Ягодич, возглавлявший в 1963 году Институт славистики Венского университета и выступавший на академических торжествах, устроенных в том году в Вене по случаю 25-летия со дня кончины венского профессора князя Николая Сергеевича Трубецкого, на правах коллеги, знавшего человеческий облик покойного из опыта личного общения, свидетельствовал о чертах благородного великодушия в его облике: «Князь Трубецкой потерял благодаря революции все — родину, состояние и какую бы то ни было налаженность культурного дворянского быта. Но никогда от него не слышали ни слова жалобы». Там

же — другое свидетельство: «Без сомнения, Трубецкой жил своими научными интересами. Однако все это не может объяснить выражения сосредоточенного спокойствия, присущего его сущности. Но кто был знаком с Трубецким ближе, знал, что этот остроумный эрудит и гениальный исследователь был глубоко религиозным человеком — всецело в духе русской православной Церкви, верность которой он сохранял. Этого, пожалуй, не объяснить иначе как тем, что князь Трубецкой жил той благодатной силой, которую ему давали твердая религиозная убежденность и его подлинно русская набожность»¹.

В качестве одного из русских гостей дунайской столицы должен засвидетельствовать, что память о Трубецком Вена, слава Богу, сохраняет и ныне, через шесть с лишним десятилетий после его безвременной кончины, случившейся в 1938 году, под недобрый гул «аншлюсса»². В Институте славистики взгляд дважды (в самой большой и парадной аудитории, а также в мемориальном коридоре между кабинетами профессоров) сталкивается с его портретами; а когда венский коллега старшего поколения хочет сказать мне именно как русскому что-нибудь уж

*Печатается с небольшими сокращениями по: Аверинцев С. Несколько мыслей о «евразийстве» Н.С. Трубецкого // Новый Мир. № 2, 2003. С. 137–149.

¹ Jagoditsch R. Nikolaj Sergejevic Trubetzkoy. Sein Bild als Mensch und Gelehrtenpersönlichkeit. Wiener Slavistisches Jahrbuch, XI. Band, 1964. S. 21.

² Его кончина была ускорена именно этим прискорбным событием австрийской истории. Русский профессор Венского университета оказался тем подозрительнее для оккупационных властей, что известна была его статья с критикой нацистского антисемитизма; в его квартире учинили обыск, и сердце ученого, давно уже больное, не выдержало унижения.

П. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский

очень комплиментарное, он уподобляет меня — Трубецкому.

Человеческий облик Н.С. Трубецкого, его научные заслуги в области языкознания, его более фрагментарные, но достойные всяческого внимания догадки по части истории русской литературы — все это предметы, о которых говорить гораздо легче, ибо они по существу своему вне спора. Иначе обстоит дело с той попыткой широчайшего мыслительного обобщения, поставленного на службу идеологическому проекту, которая именуется «евразийством». Тем более строгая ответственность на том, кто говорит именно о ней; его нравственная обязанность — избегать равно и благостного замазывания острых вопросов, и злорадствующего фельетонного разоблачительства. И здесь действует общий закон интеллектуальной честности: чем больше страстей вызывает тема, тем к большей бесстрастности тона и объективности анализа должен принуждать себя говорящий.

Трубецкой писал Р. Якобсону в письме от 28 июля 1921 года: «Это — сборник статей четырех авторов: Сувчинского, Флоровского, Савицкого и меня. Мы объединились на некотором общем настроении и “мироощущении”, несмотря на то, что у каждого из нас свой подход и свои убеждения. <...> Очень будет интересно узнать Ваше мнение

об этом сборнике. Сущность его состоит в нащупывании и прокладывании путей для некоторого нового направления, которое мы обозначаем термином “евразийство”, может быть, и не очень удачным, но бьющим в глаза, вызывающим, а потому — подходящим для агитационных целей. Направление это носится в воздухе. Я чувствую его в стихах М. Волошина, А. Блока, Есенина <...> Похоже, что в сознании интеллигенции происходит какой-то сдвиг, который, может быть, сметет все старые направления и создаст новые, на совершенно других основаниях. Сейчас все это еще очень неопределенно, но

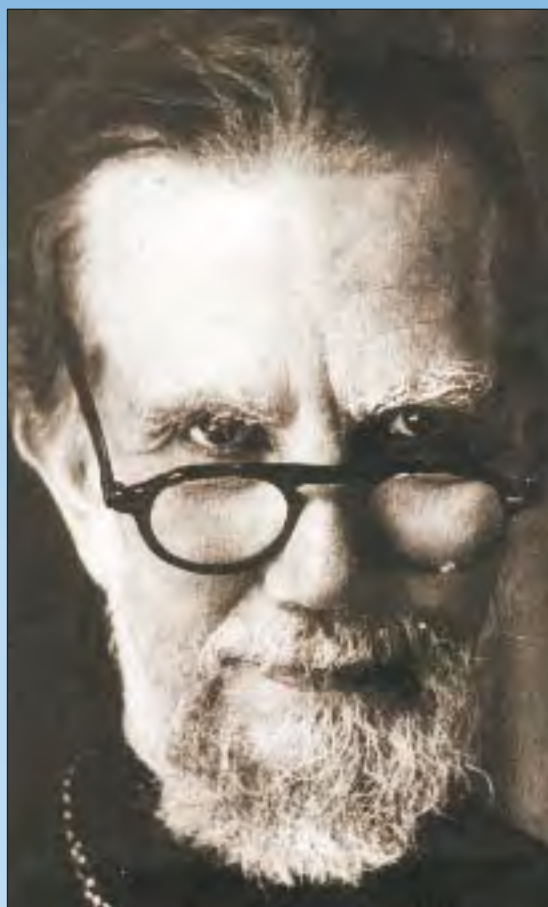
безусловно “что-то готовится, кто-то идет”»³.

Запомним на будущее чуть-чуть неожиданное, пожалуй, слегка озорное по тону, однако отвечающее сути и делающее честь правдивости Трубецкого упоминание «агитационных целей», функционально оправдывающих, «*может быть, не очень удачно*» ключевое словечко. Гениальный ученый отдает своей совести отчет в том, что покидает куда более привычное ему пространство научного размышления и вступает в совершенно иное, неудобное для него пространство, где, в частности, намеренно заостренный, чуть ли не скандальный вызов может быть поставлен на службу «агитации». Для такой природы, как Трубецкой, — очень дорогая плата; насколько дорогая, ясно из его собственных признаний, о которых пойдет речь чуть ниже. Едва ли иначе обстояло дело для его соратников. У колыбели движения стояли очень яркие фигуры русской диаспоры: кроме самого Трубецкого — Петр Сувчинский, музыкант и теоретик музыки из круга Пьера Булеза; Петр Савицкий, специалист по экономической географии; князь Святополк-Мирский, едва ли не лучший теоретик литературы и литературный критик этого поразительного поколения; Георгий Флоровский, позднее священник, ученый-патролог и автор образцового труда «Пути русского богословия»; Лев Карсавин, медиевист и философ. <...>

³N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes, prepared for publication by R. Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen and M. Taylor, The Hague — Paris, 1975. P. 21—22.

Амбивалентность эмоций Трубецкого выражена в письме к П.П. Сувчинскому от 10 марта 1928 года: «Мое призвание — наука. Но к публицистике и философствованию у меня никакого призвания нет. <...> Занимаясь писанием всего этого евразийского кошмара, я чувствую, что мог бы все это время и труд с гораздо большей пользой (и для себя, и для других) потратить на науку, что отнимаю время от науки и вместе с тем, что время уходит, что его, может быть, осталось уже не так много... <...> Евразийство для меня тяжелый крест, и притом совершенно без всяких компенсаций. Поймите, что в глубине души я его ненавижу и не могу не ненавидеть. Оно меня сломило, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен бы стать. Бросить его, уйти из него, забыть про него — было бы для меня высшим счастьем...»⁴ Да, трудно человеку, в такой степени наделенному личной порядочностью и умственной честностью, как Н.С. Трубецкой, заняться построением идеологической конструкции! Но в задачи этой статьи не входит обсуждение принципиально присущей евразийству настроенности на политическую инструментализацию и всего того, что Бердяев назвал евразийским «*утопическим этатизмом*»⁵. Понятие идеологии будет обсуждаться ниже наряду с другими мыслительными понятиями. Нашему анализу подлежит евразийство как попытка объяснения истории, не как проект воздействия на историю.

Для начала попытаюсь назвать некоторые пункты, в которых евразийцы (как и их наследники, например Л.Н. Гумилев, впрочем, утрировавший их взгляды) занимают довольно сильную позицию. Сюда относится прежде всего сомнение в привычном тезисе, согласно которому азиатские кочевники — половцы в XII веке, монголы в XIII веке — внушали нашим предкам негативные чувства будто бы не только в качестве противников, но в придачу еще и специально в качестве азиатов, в качестве кочевников, словом, представителей неевропейской варварской стихии; словно эти негативные чувства были чем-то вроде того, что на нынешнем языке именуется «культурным шоком». Прежде всего сами поня-

Г.В. Флоровский

тия «Европа» и «Азия» — это отнюдь не вневременные ориентиры человечества, которые якобы сохраняют в принципе один и тот же смысл для различных эпох. Пожалуй, даже немецкие и польские рыцари, которые преградили монгольскому войску его дальнейший путь при Легнице, сражались за свои земли и за государей этих земель, также за свою католическую веру, но вовсе не за «европейскую цивилизацию»; в их умах не было такого концепта. Далее, слишком очевидно, что и позднее культурные границы между Европой и Азией пролегают отнюдь не однозначно. Мы это начинаем ощущать, едва только отвлечемся от идеологизированного, риторически оценочного употребления этих концептов (как у наших леволиберальных поэтов второй половины

⁴ Цит. по изданию: Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. Составление, подготовка текста и комментарии В.М. Живова. М., 1995. С. 777—778.

⁵ Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Путь. № 8. 1927.

XIX века, обожавших рифмовать «Азию» и «безобразие»⁶). Вопрос, является ли Россия частью Европы или частью Азии, именно в качестве вопроса заключает в себе единственный возможный ответ; никто ведь не спрашивает, принадлежит ли Франция к Европе или Китаю — к Азии, если же вопрос осмыслен, он сам по себе уже сигнализирует о невозможности чересчур однозначного ответа. Когда Андрей Белый поехал в Палестину, его зоркий художнический глаз с изумлением отметил сходство между тамошними арабскими женщинами и южнорусскими деревенскими бабами⁷<...>.

Трубецкой так суммировал смысл своей книги «Европа и человечество» в письме Р. Яacobсону от 7 марта 1921 года: «Понять <...> что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, — вот всё, что требует моя книга от читателя». В самой книге мы читаем: «Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие»⁸.

Нужно отдать должное Трубецкому — он уловил тему, которой суждено было оказаться под конец века и тысячелетия в самом центре злободневнейших споров, идущих по всему земному шару, но в особенности, разумеется, в центрах западной цивилизации, и обнажающих интересную

внутреннюю антиномию современного демократического дискурса, который не может отказаться ни от аксиомы равноценности всех культур, защищаемой в наше время параюридическими процедурами *political correctness*, ни от императива распространения на весь глобализующийся мир системы ценностей, выработанных все-таки именно на «Западе». Если в первой главе «Европы и человечества» высказано энергичное сомнение в самой возможности существования европейцев, которые считали бы культуру так называемых *дикарей* равноценной *романо-германской* культуре, то сегодня Трубецкому пришлось бы в преизобилии встречать таких европейцев, мотивом которых является, правда, не столько реальная или хотя бы сентиментальная любовь к экзотическим культурам, сколько мстительный аффект «*сердитых молодых людей*» по отношению ко всему своему — к собственным родителям, учителям, вообще «старшим»; при этом кто-то среди равных оказывается, как водится, более равным, чем остальные, но это, как правило, отнюдь не «*всеромано-германская*» культурная традиция, по Трубецкому, а просто сами господа уравниатели. Разумеется, это дает шанс впустить с заднего хода и *эгоцентризм* «Запада». <...> Едва ли хоть один разумный человек станет сегодня безоговорочно настаивать на том, что какая-то культура непрекращаемо и во всех отношениях «выше» другой. Но совершенно очевидно по крайней мере, что одна культура может быть и бывает конкурентоспособнее и в этом смысле «сильнее» другой; сильнее именно как культура, помимо действия каких-либо внекультурных факторов, очень часто вопреки их действию. Кто-то обучен на языке своей культуры отвечать на вопросы, которые задаю ему я, и задавать мне вопросы, на которые моя культура не научает меня ответить; и я пасую — не перед ним, а перед его культурой; и если даже, оправаясь от поражения, я готовлю ему отповедь, то уже в его системе понятий. Этот момент конкуренции культур жизненно важен, и должен быть

⁶ Как в стихотворении В.С. Курочкина «Я не поэт...» (1859): «Но не могу же я плакать от радости / С гадости / Или искать красоту в безобразии / Азии...» Двадцатью годами позже Д.Д. Минаев, представитель того же типа журналистской поэзии, писал: «Нет в том сомненья, что край безобразия — / Азия, / Как уверяют учебники многие / Строгие; / Но и Европу когда б мы потрогали, / Много ли / С Азией будет у той безобразницы / Разницы?..»

⁷ «Окрестности Иерусалима после Египта показались мне очень уютными; самые турки, сирийцы, арабы по цветам, по манерам, так согласно сливались с российской кумачовой пестротой; особенно назаретские женщины с незакрытыми лицами, в красных, наподобие сарафана, платьях, выглядят знакомо: настоящими рязанскими бабами; я потом наблюдал переход национальностей от Сирии до Украины; мне казалось, что перехода никакого и нет...» (Белый Андрей. Между двух революций. Подготовка текста и комментарии А.В. Лаврова. М., 1990. С. 400).

⁸ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 81.

каждый момент принимаем во внимание. Невозможно поставить культуры в условия, при которых их соперничество было бы исключено надолго, тем паче — навсегда; скажем, японская цивилизация была предохранена от такого соперничества изоляционистской политикой сёгунов на несколько веков, но ведь и этому настал неизбежный конец.

Несколько слов о политическом проекте, ради которого и была выстроена, как честно отмечает в своих письмах Трубецкой, евразийская концепция в целом. <...>

Мой вопрос к программе идеократии касается ее внутренней связности. Для того чтобы он был понятнее, я возвращусь к ориентиру русской идеократии по Трубецкому: к его характеристике «туранского» культурного склада. Как известно, в его системе, имеющей в своих негациях некоторое сходство со славянофильством, в отличие от последнего «романо-германскому» Западу противостоит не славянство, величина в его глазах едва ли не мнимая, — а именно туранство. Тем важнее для оценки общей концепции с точки зрения ее элементарной непротиворечивости, с какой эмфазой в характеристике туранства подчеркиваются черты бессознательной естественности, безотчетной цельности: «Типичный представитель туранской психики в нормальном состоянии характеризуется душевной ясностью и спокойствием. Не только его мышление, но и все восприятие действительности укладывается само собой в простые и симметричные схемы его, так сказать, “подсознательной философской системы”. В схемы той же подсознательной системы укладываются также все его поступки, поведение и быт. Притом “система” уже не сознается как таковая, ибо она ушла в подсознание, сделалась основой жизни. Благодаря этому нет разлада между мыслью и внешней действительностью, между догматом и бытом. Внешние впечатления, мысли, поступки и быт сливаются в одно монолитное неразделимое целое...» («О туранском элементе в русской культуре», 1925).

В этом же тоне выдержана позитивная характеристика Московской Руси: «Весь уклад жизни, в котором вероисповедание и быт составля-

ли одно (“бытовое исповедничество”), в котором и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы — системы, теоретически не выраженной и сознательно не формулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и определяющей собой жизнь каждого и бытие самого национального целого, — все это, несомненно, носит на себе отпечаток туранского психического типа. А ведь это именно и было то, на чем держалась старая Русь...»

Соглашаться с Трубецким в позитивной оценке этой туранской идиллии или нет — особый вопрос; как бы то ни было, одна из примет настоящей культуры — уважительная симпатия к простоте (доходящая до аффекта, описанного Т. Манном в его «Тонио Крёгере»). С другой стороны, если все это, именно это, предстает как корень и подлинная суть русской души, трудно понять, откуда бы это у нас явился, например, Достоевский, весь мир коего — полная противоположность такому, как выражался один персонаж Лескова, «животному благоволению»; да и другие репрезентативнейшие фигуры русской культурной традиции мало сюда подходят. Но в любом случае совершенно очевидно, что туранская душа, как ее рисует Трубецкой, абсолютно несовместима с сознательными проектами идеократии. Бессознательное есть то, чего нельзя построить по сознательному проекту, — и это, конечно, относится отнюдь не только к евразийству, но к весьма многим большим и малым общим и частным программам, возводящим в систему сознательное манипулирование бессознательным. Само по себе подобное манипулирование, рассчитанное на без-

граничную доверчивость всех вне касты посвященных, сильно напоминает программу Великого Инквизитора у того же Достоевского: «Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла». Это уже достаточно неутешительно. Но плод трудов новых инквизиторов, взявшихся сознательно лепить чужое бессознательное, будет к тому же, как мы видим из истории тоталитарных идеологий только что завершившегося столетия, очень ненадежным и недолговечным. Владычество настоящих инквизиторов старых времен, не способных концептуально артикулировать ничего подобного, длилось из столетия в столетие, — а тут все кончалось за несколько десятилетий; «*век сплошных скоропадских*», как скаламбурила когда-то Цветаева. Это реальность, от которой не отделаться банальными максимами насчет убыстрения хода истории. Ибо если у человеческой души и впрямь есть бессознательное знание, это, наверное, знание о том, говорят ли с ней, этой душой, от имени настоящей веры — или от имени головного проекта. Такой специалист по части бессознательного, как К. Г. Юнг, отмечал как важнейшую черту религиозного, что в этой сфере ничто не возникает на пустом месте, ничего нельзя сконструировать, смастерить, придумать, — любая выдумка скоро разобьется.

Между прочим, упомянутые программы являются одним из дурных побочных эффектов того самого «*романо-германского*» рационализма, который так претил Трубецкому. Историческая наука по внушениям этого рационализма на каждом шагу демонстрирует свою секуляризованность тем, что ищет для самых различных, в основном религиозных актов выбора таких мотиваций, которые просто были невозможны для сознания любой эпохи, кроме нашей. Тут и князь Владимир, со своим окружением будто бы размышляющий о выгодных социальных и политических последствиях принятия Православия, и Александр Невский, отвергающий союз с Папством не по вообразимой для великого князя этого времени ком-

бинации простейшего послушания духовнику со столь же простыми и конкретными политико-стратегическими мотивами, — в конце концов, татары были всегда рядом и всегда готовы к нападению, а западная помощь в любом случае заставила бы себя ждать, как и пришлось убедиться галицким князьям, — но по якобы инструментализирующим веру «геополитическим» или «цивилизационным» мотивам предпочтения союза с «Востоком» союзу с «Западом», то есть по соображениям, которых нельзя было бы даже описательно сформулировать на реальном языке эпохи! Конечно, у людей в любую эпоху бывают и неосознаваемые, неформулируемые мотивы — но очень важно для характеристики культурного типа, что уже имеет свое имя, а что еще не имеет. В конце концов, мы можем говорить, если нам угодно, что феномен идеологии так же стар, как само человечество, и что любая власть, светская или духовная, осуществляла себя при посредстве некой идеологии, которую насаждала, ведя некую «пропаганду» (а внутриситуативно — и «агитацию»). Неоспоримо, что носители власти, причастные к среде правящей элиты, особенно в таких государствах, как, скажем, древние восточные деспотии или Византия, были не абсолютно чужды каким-то чертам сознания Великого Инквизитора у Достоевского и ощущали себя носителями не только частных государственных секретов, но и некоего единого «секрета власти», *arcanum imperii*. И все же до тех пор, пока терминов-концептов «идеология», «пропаганда», «агитация» не существовало, как пассивное, так и активное участие в том, что для нас обозначается этими словами, могло практиковаться в такой степени *bona fide*, в которой это становится невозможно по мере введения этих слов (и понятий) во все более широкий оборот. Человек XX века, казалось бы, доказал свою способность быть индоктринируемым, идеологически инфицируемым; но из этого не рождалось и не могло родиться той верности вере, что наследуется в род и род, это скорее похоже на мимолетный гипноз рекламы. Не-

даром такой мастер пропаганды, как Владимир Маяковский, написал рассуждение о тождестве дела пропаганды делу рекламы (которое он, как известно, тоже практиковал в годы Моссельпрома). Нынче мы слышим, что для России нужно «создать» идеологию по специальному проекту; я уже сказал, что не разделяю идеологии стерильно-чистого антиидеологизма, которая хочет ради предотвращения фанатизма ампутировать у человека вместилище для общих идей, — но в шансы рукотворной идеологии поверить никак не могу. Обожание рукотворного, строго воспрещенное Писанием — «не сотвори себе кумира», — еще меньше приведет к чему-то субстанциальному сегодня и завтра, чем в тоталитарном вчера; ибо хотя люди, увы, не склонны извлекать из истории сознательных уроков, бессознательная или полусознательная эмоциональная память поколений оставляет все меньше и меньше возможностей для подлинной, не поддающейся подделкам доверчивости. Как сказано у Ахматовой, *«вместо мудрости опытность — пресное, не утоляющее питье»*. С мудростью плохо, но опытности хватает, хотя бы той, что проявляет себя не ясностью в голове, а болью где-то в костях.

Это не значит, что любой разговор на евразийские темы кн. Трубецкого представляется мне бесплодным. Да, я не могу вылепить из себя (или дать вылепить другим) простодушного туранца — получится разве что имитация, ради которой будут загублены и те остатки здорового простодушия, которые во мне еще есть; но я могу

в делящемся, никогда не замыкающемся процессе самопознания открыть в себе самом также и этого туранца, вступить с этой частью себя в осмысленный разговор, — не приписывая ни одному слову в этом разговоре значения последнего. Так вызревают идеи, движением которых можно жить, не торопясь превращать их в кирпичи для постройки идеологий.

Кн. Н. Трубецкой был лично не только гениальным мыслителем, но и человеком с весьма чуткой совестью, которую нельзя было надолго успокоить оглядкой на *«агитационные цели»*, поминаемые в цитированном выше письме к Якобсону; отсюда неожиданный мучительный вопль души о *«евразийском кошмаре»* и о собственной несклонности *«к публицистике и философствованию»*, который мы слышим в опять-таки цитированном выше письме к Сувчинскому от 10 марта 1928 года.

Под конец можно в той же связи вспомнить исключительно резкую реакцию Трубецкого на сменовеховство, а также пассаж из его письма П.П. Сувчинскому и П.И. Савицкому от 9 сентября 1925 года:

«Мы становимся политиками и живем под знаком примата политики. Это — смерть. Вспомните, что такое мы. Мы — это особое мироощущение. Из этого мироощущения происходит особое мирозерцание. А из этого мирозерцания могут быть выведены, между прочим, и некоторые политические положения. Но только между прочим».

